

Обнаруживание и распознавание символа в образе

Попытаемся размыслить о распознавании символа, понимая, что символ, как неотъемлемая часть образа обладает развивающимся, внутренне подвижным свойством. Уместно ли, не опасаясь заведомых тупиков и заблуждений, рассмотреть образ вне его «образности» - как отражения образа Божьего, вне его «символизма» - как духоводствующего назначения, соединяющего тварь с Творцом. Но, как видится, именно подобное, отвлечённое от Первообраза рассмотрение и рассуждение, является вполне обычным занятием, целью, чуть ни единственным «истинно» научным современным ведением об образе, как о предмете искусства. Икона становится объектом искусствоведения, предметом научного, вне-религиозного рассмотрения, вне-религиозных исследований и суждений. Так это зыбко и сомнительно, и всё не о том, не о главном, не о Единственном на потребу предназначением образа к тайноводительству нами. Вне дарования нам и откровения нами образа, как нашего молитвенного окна в мир иной... как ока Господнего, смотрящего на нас... как притягательной области взора нашего, вглядывающегося в образ и опускающего вежды пред встреченным отсветом взора Господнего.

Является ли традиция ведения об образе, как объекте искусствоведения, – отвлечением, увлечением во внешнее свойства иконы, умственным и чувственным вовлечением в форму вне всяческого прилежания ко внутреннему содержанию и назначению... Является ли наука об иконе – способом удовлетворения нашего любопытства и чувственным прелюбодеянием со внешним, видимым нами видом. Даже шатко-религиозное сознание в увлечении иконной формой, обликом, красотой может легко отстраниться от назначения иконы, удовлетвориться её внешностью... Это словно бы перед прекрасной девицей – прости Господь это сравнение – соблазняешься, очаровываешься видимым, воистину прелестным обликом, теряешь голову и, неразумный, увлекаешься красотой, уже не заботясь о глубинах бесценной души, о духовной наполненности, содержимой в этих прельстительных чувственных формах... Так – соблазняется неразумный и невоздержанный в чувствах, удобопреклонный в безблагодатном безрассудстве, поползновенный ко греху. Человеку, увлечённому эстетикой, красотой, стилем, художественностью, историческими нюансами и житейным наследием образа – возможно ли остановиться в увлечении своём, столь искреннем, горячем, почти уж радостно-творном... Но является ли эта увлечённость обязательной и следует ли из самой этой увлечённости небрежение о внутреннем содержании образа, духовная успокоенность перед лицом красоты иконы, забвение об утраченном Богообщении. Полагаем, что нет. Увлечение иконой и разгорячение пылкой любви к образу не отвлечёт от его содержания, если дать развиваться этой любви, не ограничивая себя в ней собственно образом. Ограничение образом понимаем, как язычество, как почитание твари, заместившей Творца. Да не позволим себе такового. Не позволим себе усладиться красотой, замереть в недвижности этого услаждения... не продвинувшись в глубь. Не удовлетворимся, не успокоимся видимым, не превратим любования нашего в прелюбодеяние, а почитания Первообраза в преклонение перед предметом искусства и перед личным витанием разума и чувствований – всё вокруг да около Него, как перед дверью или окном не открываемым. Не заменим, не затмим образом Первообраза... Упаси Господь от идолотворчества пред образом Твоим живо-писанным, живо устроенным...

как и пред образом Твоим в самих нас – не оставим своего искания, не изживём в себе жажды, единственно – к Самому Тебе.

Быть может, внешняя красота образа есть влекущий, увлекающий, вовлекающий нас глас Господа, - призывный, взывающий. И если остановиться нам на пороге внешнего, не вникнуть во глубину, - не соделаем ли мы непотребного пред существом Истинного Бога, перед отвергнутым даром Его призыва, перед тем, что так привлекательно, увлекательно и доверчиво – приоткрыто к нам и вовлекает нас... Не поругаем ли своей духовной неподвижностью естественно дарованного - таланта ко преумножению дара слышания зова, не зароем ли его тогда.

Внешнее в образе является только неким обличем, облаткой внутреннему содержимому, видимым оформлением, устроением символического моста между нами и Богом, выстроенной тропой, методом продвижения к Непознаваемому. Символ в образе предстаёт, как действительный путь или совокупность путеводных нитей – буквально – метод Богопознания. Но образ, вмещающий символ, – превосходит символ, - так помышляем теперь. Недостаточно содержательный образ – нуждается в символизме всё более и более. Утрачивая, расточая образность, как непосредственное, не опосредованное смыслами свойство духоводчества, мистагии, икона буквально выдыхается, выхолащивается вне символа. Умалющийся в духоводчестве образ становится всё более символическим, много-символьным, чрезмерно насыщается смысловыми загадками к распознаванию и познанию их. По мере угасания образной полноты, по мере иссякания творческого начала или Богоодарённости мастера к изображению Бога – появляется потребность, нужда к восполнению утраченного в иконе духоводческого свойства и к применению, изобретению символов, устремлённых к разумному постижению... так полагаем. Думается и веруется, что наши измышления не верны вполне... думается также, что человечество во Христе – христианство, всё более развивающий личный опыт общения со Христом, никогда не утрачивало этого личного опытного Богообщения, удаляясь во времени от событий Его земного воплощения. «Се – пребуду с вами до скончания века» и «Егоже Царствию не будет конца». Опыт живого личного взаимного отношения со Спасителем – пребывает и не увядает в Церкви, как в таинстве, так и в самых обыденных мелочах, лежащих на поверхности жизненного пути отдельной личности. И этот опыт развивается, расширяется, умножается всё более, лишь обретая всё новые формы и грани своего проявления и находит к свидетельству о себе, к передаче – новые способы приближения человека к Богу. Способы этого приближения становились всё более и более символическими, - по мере утрачивания непосредственной, живой, - образной связи - возвышался символ. Человек, рождённый в Раю сладости, в непосредственном Богообщении – отнесён словно бы на противоположный берег реки первородного греха и разлучения с Творцом. Человеку, удалённому во грехопадении от Сада, можно было ходить, стоя на берегу этой «реки», распознавая за бурливым потоком очертания противоположного, недостижимого берега. Воплощён Спаситель – с нами поживе Бог, осязаем, слышим, видим Его – посреди нас, распят нами, возвращён воскресением и вознесён от нас, но мистическим Телом Христа - пребывает в Церкви Своей до скончания веков, преподаёт Себя Святыми Дарами... Насколько живо Его пребывание, насколько оно достоверно известно нам. Насколько живо и актуально ведение о Его со-бытии с

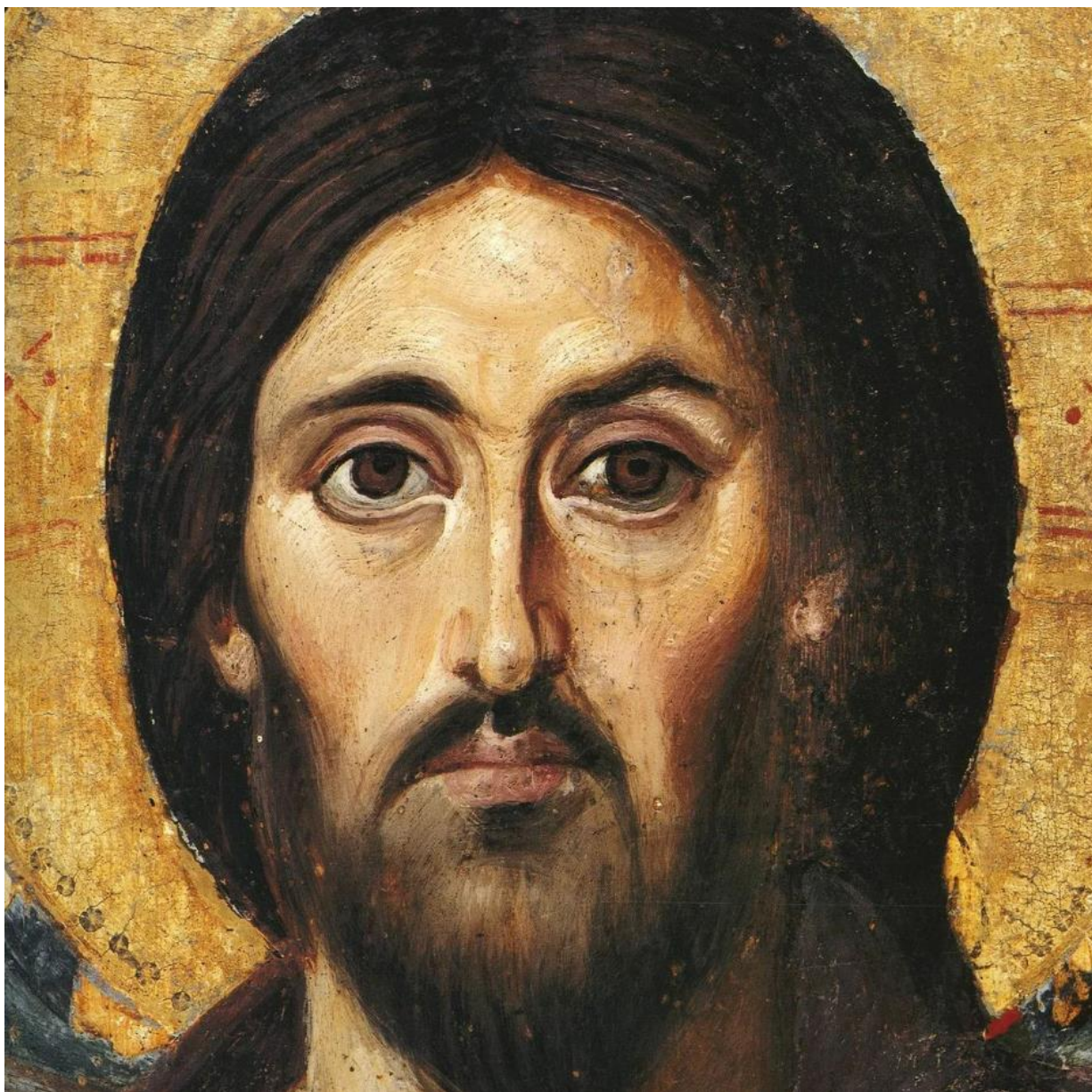
нами. Не иссякает ли во времени, не нуждается ли во всё новых уверениях, утверждениях по мере охлаждения нашей веры... по мере нашего удаления от Пасхи Христовой.

В первые века христианство напряжённо искало и формировало способы выражения близости со Христом и обрело их, словно бы извлекая из тёплой живой памяти личного видения и ведения – и свидетельствовало о Спасителе средствами античной художественной выразительности, преображённой во Христе. Далее – следовало развитие найденного метода изъясления образных свидетельств и форм духоводчества посредством образа. Словно бы растворяется в уплотняющейся дымке ведение о противоположных от нас «берегах» мира Господнего, уж не распознаваемых во-очию, как образ. И мы почти наощупь - строим свои мосты – духоводческие символы в невидимое... Так ли. Уже ли мосты эти – суть – кумиры сотворённые, коими мы дерзаем воссоздать утраченного нами Бога или память о Его близости. Ужели мосты эти в даль - иллюзорную, не ведущую ни к чему, кроме продолженных сомнительных играллиц нашего падшего разума. Но «с той стороны» Сам Бог свидетельствует о Себе, свидетельствует чудесами от образов об истинности наших дерзновений, словно бы поощряет их, привлекая нас образами и через образы – пробуждая, вытрезвляя от неведения. И, тем не менее, налицо - общая деградация образности во времени текучем, пожалуй, не оспорима. Образ-вырождается прежде в само-довлеющий, всё усложняющийся символ... затем, постепенно если не в безобразии, то в секулярную картину, вне-образный предмет живописного искусства. И способы сохранить образность становятся всё более и более символическими. Увядающая, иссякающая образность – восполнялась видимой красотой и нарочитой художественностью, усложняющимся, истончающимся, изошряющимся в выразительности символизмом. И, как результат – перед нами – произведение живописи, преисполненное живописностью, символизмом и совершенно удалённое от образа. В противостоении образа и символа, увы, побеждает последний... коль скоро образ ослабевает, охлаждается, вырождается в череду подражательных технических приёмов. Возможно ли было доводить образ и символ до этого противостоения, допустить его. И как нынче – возратить утраченное, вернуть образность образу, распознать его, не отвращая себя и от символа... как и от красоты живописной... Не ведомо нам теперь.

Символ всё более проявлялся и укреплялся в образе. Стоит ли перед нами теперь неременная задача к распознанию символа, вложенного в образ, задача отыскания символа и уяснения его. Сколь сложна эта задача, сколь решается вообще вне личного соприкосновения с Первообразом, вероятно, доступного символу-творцу и недоступного нам. И следует ли нынче нам решать эту задачу, обрести некие символические разгадки смыслов... не достаточно ли самого самодостаточного и самобытного, вне нашего разума сущего - символа, пусть и не внятного нам, символа заложенного не к том, чтобы его распознать, шифра – не к нашему рас-шифровыванию, ибо предмет этого шифра – не познаваем. Но не прекращаем движение наше к этому Предмету горячего интереса и – ко Господу нашему, к полноте нашего единения с Ним. Сама Полнота – Бог – преподаёт Себя и не иссякает в полноте нашего литургического соединения, взаимного проникновения Причастием человека и Бога.

Но и даже познавая символы, уясняя смысловой символизм – остережёмся необоснованных фантазий вокруг распознаваемых значений, остережёмся отыскания

символов там, где им нет места, где они могут быть лишь надуманы, из-мыслены нами... искусственно навязаны нами образу. Вот такой перед нами пример, из выдающихся и слишком значимых для нас. Мучительно и радостно, длительно – вглядываешься в образ Спаса Синайского VI века, знаменитый энкаустический – образцово великолепный образ...

«Спас Синайский». Деталь иконы VI века. Монастырь Святой Екатерины на Синае. Энкаустика.

Сколь мысленных копий преломлено в полемических столкновениях с самим собою о том, заложен ли автором некий символизм в видимой ассиметрии лика... сколь тонка, высока, порою поэтична фантазия или помышления перед видимым - о символе двух природ во Христе, о совмещении в едином лице двойственного символического значения «Спаса Ярое Око» и «Спаса Милостивого». Но ужели действительно была предусмотрена и выражена автором иконы эта символика, не надумана ли она теперь фантазийно взволнованным созерцателем иконы. Быть может, в этом изображении более античного наследия живописной пластики в духе шедевров фаюмского портрета, когда живое письмо ищет новые и использует выверенные средства к образной выразительности

живой одухотворённой плоти. Автор ищет и - пишет, художественно животворит лик Христа почти натуралистично вылепливает его, несколько даже превыше-натурально, почти гротескно, – убеждая нас и вырабатывая к этой убедительности художественные способы, сочетающие опыт спиритуалистического и реалистического живописания. И се – перед нами – живописный художественный шедевр, образцовый – творчески свободно выраженный – духоносный образ. Легко приписать ему, придумать здесь символ, которого нет или наделить символизмом то, что создавалось вне всяческого символизма. Но... - вскинута левая бровь Христа, чуть более в центре глазного яблока посажен зрачок левого глаза... притенён глазной белок и взор прозревает из цветовой тени... в левой части лика более притенений, чем света, более рельефно выявленной физиологичности... жёстче сведены уста в левой части рта, акцентированы притенения вокруг глаза... В правой части лика, в более активно высветленной, светоносной живописи явлены покой и внутренний свет Божественного естества – милости Господней, источающейся к нам. Левая часть лика – близка в написании к приёмам реалистической живописи, человеческое во Христе – проявлено гневом Господним, страхом Божиим – ужасом перед распятием Агнца, закланного от сложения мира. В правой части личная живопись спиритуалистична, лик проявляет свет, о котором свидетельствует Сам Спаситель, зовущий прийти к Нему всем и вникнуть во Свет, являемый Им. Ярое Око и Милостивый Спас – слитны в едином пред нами образе Пантократора... Ужели отвергнем эти смыслы, эти распознаваемые символы, явленные в образе...

Образное пространство всё более и более нуждается в символизме и уже не может обходиться без него. Развивается живой образ – и развивается в нём система символов. Само по себе развитие символизма не является неким свидетельством, признаком упадка художественности и деградации иконы – помышляем так... но при сохранении живой образности - является признаком продолжающегося вызревания формы, всё более глубокого и точного, настойчивого и неотступного, - проникновения иконы к назначенному ей, к передаче, преподнесению нам и к нашему восприятию первообразности... Первообраза – Бога.

Но если символизм является способом развития образности – следует ли нам непременно распознавать сам символ, проникаться смыслами, заложенными в символы, открывать эти символы для себя и пре-подавать их к уяснения окружающим... Иначе, казалось бы, для чего они, для чего – заложены в образ символы, если они не распознаются нами... Приходит на память детская шутка: уже ли мёд для того, чтобы его есть медведю... Или этот вкус изначально утаён, эта сладость непреступна и не предназначена ко вкушению и символ может быть воспринят лишь приступом, едва ли не насильем над естественной его сокровенностью, не предназначенной к тому, чтобы утолиться, насытиться нам... Для чего символ, если он не предьявлен явно, если требует особенных усилий к разумению... быть может, усилий не связанных с молитвой. Для чего художественность и эстетика, если нам не любоваться ими, воздавая хвалу Первообразу. И всё же, всегда ли символу должно быть рас-познанным... красоте – созерцаемой... святыне – откровенной. Не естественно ли – утаение святыни ковчегом, Святая святых – вратами и завесой... образа – внешним, неотъемлемым никогда – окладом. И – возникают грани, рамки, определяющие наше благочестие, наше дерзновение перед образом. В этом, отнюдь, не видится нам некая символическая свеча поставленной под спудом или

дар Божий символа, зарытый безрассудно. В удалении, сокровении символа не распознаем и святыни, убережённой от псов, бисера Господнего, утаённого от свиной игривых... Но чужем более чем видим теперь: благоговение перед сокровенным и высокое само-умаление Господа перед нами... и нас, умаляющих себя в предстоянии Ему - перед сокрытостью красоты, изображённого великолепия образа. И вновь о великой фаворской тайне, что была приоткрыта лишь на миг – на мгновение ока... или на вне – временной уже миг проникновения в облако света – так была отворена тайна Божественного естества избранным апостолам. Вослед откровенному виденному знанию следовал призыв, увещевание Спасителя, - никому не открывать об увиденном, о познанном «доколе Сын Человеческий не воскреснет из мертвых» (Мк 9:9). Быть может, до того времени, когда проявится откровенное повсеместно и неотвратно – также должно быть сокровенным символу. Не об избранничестве не о ведении для избранных, не о духовной стратификации людей на толпы профанные и сферы избранных, повящённых тут речь, совсем не о том, что ведение не для всех. «Придите ко Мне – вси...» Но таковы тонкие взаимно пронизательные вибрации откровенности и сокрытости... явленного и утаённого до времени... приемлемого и не вместимого. Деликатное, благоговейное, молитвенное преклонение перед сокрытым, неспешность в дерзновении к тайне, терпеливое ждание перед нею видятся достойными, не осудительными и благочестивыми во взаимоотношениях с образом. И следует ли нам раз-облачать сокрытый символ, в праве ли мы – снять ризу с иконы и смыть запись, дабы нам и окружающим – нынешним во грехе - насладиться, проникнуться сокровенным. В нашей ли мере, по чину ли нам, не унизив святыни, – взойти на солею и отворить врата образа, не нам пред-назначенные... или сокрытые до некоего благовремени. Всегда ли предлежит символ к его разумению? – позволим себе помыслить, что далеко не всегда и, помыслив так, утвердиться в этом размышлении на примерах образов преизбытствующих символизмом, утаённым от восприятия, например, в предивных изображениях фрескового космоса Феофана Грека.

Проникновение в символ, вовлечение в символ видим, как продвижение по мосту в неведомое... - уже ли через распознавание смыслов движение наше будет более скорым, более верным, чем могло бы быть для нас, приникнувших к образу молитвой и устами сердца. Вот ведь, как удивительно: в любовании красотой мы можем легко отстранить себя от Первообраза... Но, облюбованные Богом, – уже не можем не воспринять Его Любви, пусть бы и внеобразно проявленной нам. Уже ли разумением – воспримем Божественную любовь, уже ли разумным измышлением хоть как-то – образумим и убедим себя в этой Любви и разумно – ответим Ей. Или же – прильнём к образу от полноты сердечной – горячими устами, воздвигнем свечу, возвысим молитву, утихнем в сердечной клетке - и проникнем в неё перед образом... дабы ждать и дожидаться встречи с Живым Христом. Пусть и заложены в образе значительнейшие и высоко-недосягаемые, духоводствующие смыслы – этими смыслами не ограничивается образ, - и не к распознаванию смыслов ведёт он... помышляем так... но к Богу – вне зависимости от самых смыслов, вне зависимости от нашей способности к распознаванию, - образ непосредственно - свидетельствует о Боге нам и лишь попутно свидетельствуя, – привносит символы и эти смыслы... опять же, не к тому, чтобы мы непременно принимали их, отвлекаясь ими от Единого Бога. Быть может, символам не распознанным нами достойно есть – лишь выразить собою почитание Богом образа Его, явленного в нас...

Помыслим же так, что символ и смысл могут существовать в образе вне нашего разумения о нём и вне самой постановки задачи к нашему восприятию символического смысла. Символы могут быть обращены к нам, но не предполагать того, что мы непременно откроем их для себя. Мы – рассматриваем в укрупнённых репродукциях или в немолитвенном приближении образы Феофана, их символы и смыслы, изначально созданные так, чтобы не быть распознаваемыми, чтобы оставаться в некоем утаении от нашего пытливого ума, от нашей души, жаждущей и ждущей радости распознавания. Созданы ли эти символы исключительно, как проявления художественного произвола... про-изволения автора, следующего творческому порыву и не очень-то заботящегося о том, чтобы произведённое им было воспринято... Или же несколько иначе: символ, вложенный в изображение автором – нарочито - не преподан к распознаванию, утаён, но существуя, - действует помимо нашего видения, распознавания и разумения, - воздействует самостоятельно, без нашего активного усилия к рациональному осознанию символического смысла, сама возможность распознавания не предусмотрена в символе. Смысл – над-лежит над нами, существуя – предшествует нашему продвижению, нашему подвигу ко Господу, не отменим в нашем движении... но совершенно необязателен к нашему уяснению, что не означает бессмыслия подвига, не обез-смысливает нашего деятельного – молитвенного созерцания образа. Смысл символа, как и красота изображённая, может существовать, словно нечто недостижимое, сокровенное и может быть создан таковым. Зачастую нам просто не рассмотреть и не распознать изображённый символ, хоть изображён он на соответствующем месте... оптический масштаб изображения может не позволить нашим очам прикоснуться к содержимому символа при естественном расстоянии от изображения до созерцающего человека. Символ может быть изложен так, что мы способны лишь прикоснуться к нему, к привносимому смыслу и, словно бы обжегшись, - отпрянуть в опалении наших чувств и разума... и, уже опалённым сознанием – не смеем вновь вернуться к увиденному и осознанному вскользь, не смеем неосторожно погрузиться вновь в эту глубину ... храним память о произошедшем... но, получив это опаление смыслом – существуем далее уже несколько иначе, духоводствуясь увиденным однажды, формируясь, оформляясь им в некоем «благом неразумии». Или же – неосознанно изменяясь им в разумении, в состоянии изменённого ума (мета-нойя – покаяния), направляясь – управляясь на личном духовном пути. Преизобильный смысловыми нюансами символ в образе Феофана Грека может быть вознесён в световой барабан купола – и вообще никак не дотянуться к нему взором, даже и при желании... Мельчайший символ цветовых соотношений в написании лика иконы может быть составлен на изображении величиной с человеческий ноготь – и удалён на расстояние нескольких метров от нашего молитвенного вздыхания... Но мы – движемся по мосту образа – в неведомое. Проникновенные символом, быть может, озарённые, опалённые... или же – осенённые – им, даже и символом, не познанным нами. Под сенью не воспринятого нами смысла, в обаянии не узанного звучания – ведомы, влекомы, движимы и есьмы – пред Господом.

Могут быть распознаваемыми, даже вполне легко распознаваемы и символы и смыслы их, - но внутри молитвенного обращения к Богу или святому, зачастую, уже нет никакого пространства к тому, чтобы нам заняться этим распознаванием, отвлекаясь, увлекаясь от Предмета общения – от Первообраза нашего. Даже не внешнее, не вне церковное исследование, но воцерковлённое изучение заложенного смысла неизбежно

будет если не вне-литургичным, но избыточным для молитвы. От полноты сердца – глаголют уста... но полнотою сердечной и дышим, и молчим, воздыхая о Господе... и не смыслы – наполняют сердце, но Сам Господь одухотворяющий в тишине, не ведомой нам нынче, в тишине желанной, в тишине образованной и образотворческой... в тишине пробуждающегося образа, жаждущего воскликновения Божиего к нашему пробуждению... в тишине, чающей трубного гласа к оживлению мертвых и бездыханных во плоти... в клети сокровенной внутреннего человека, ищущего оформления своей аморфности, своей без-ликости... жаждущей Христа – личного... жаждущей и вне распознанных смыслов, ведущих к Нему. И ныне - притчами говорит... говорит Господь, к нам, неразумным. И без притчи не говорит нам... Приточен - символ, - им движемся мы по изводящему нас мосту к Неведомому. С этим благоговейным настроем - распознаём символику в образе, так осторожно прибегаем к ней и разбираем постигаемое нами, открывающееся нам – и остерегаемся личных измышлений, бережёмся фантазирования о несуществующем. Остерегаемся внешних блужданий и увлечений несущественным. Так - привносим себя к православию – торжествующему в образе Божиим... не с тем, чтобы восторжествовать своим разумением над ним, но - приникнуть благодарно и благоговейно – приникнуть смиренным сердцем и устами тёплыми... умягчающимся в тишине сердечной внутренним человеком – стремим себя приникнуть к отворяющемуся перед нами образу... при-никнуть и ждать со светильником своим, едва зазоренным, чуть затепленным во глубине нашей человечности.

Должен ли у созерцающего образ утихнуть ум, дабы в тишине из-умления - принимать открывающееся... Но, возжаждав воссоединения с Господом в причащении – прочитываем сердечно, выправляя себя молитвенным правилом: о даровании ума - зрети согрешения мои... о разуме евангелия и личного пути ко Господу... - этими ли насущными, жизненно актуальными – имманентными смыслами – должно наполняться нам, созерцая образ... и, казалось бы, при чём здесь образ живописный внутри живительно – литургического события. Утихнуть уму, отрешиться от всяческих образов, наполняясь ведением собственных прегрешений, стяжая ведение о путях ко Господу... или же руководствоваться, духоводствоваться образом живописанным внешним себе – в самом личном и насущнейшем делании на пути к Первообразу. И, духоводствуясь образом, устраняться ли от распознавания символов и смыслов... Как, распознавая смысл, истекающий к нам, не удовлетвориться, насыщаясь им, не устранить от Первосмысла, от Логоса Христова... как нам в любовании образом – не отложиться от Первообраза, от Бога своего... личного своего – Христа...

Ум, воспевающий троического Бога – не есть ум, разобравший, воспринявший и усвоивший себе некий символизм Богообщения. Не есть ум, соединяющий разрозненные смыслы в некое целое – и тем приближающий себя к Богу... либо стяжающий, при-нуждающий Бога к себе. Ум, кающийся и плачущий о грехах своих, о нечистотах, напитывающих смертно... ум, уведывающий пути следования ко Господу – не есть ум, познающий символы, не есть некий разум, рацио, но – соприкасающийся с Господом полнозвучный, объемлющий всего человека – ум его, - он приуготовливает человеческое естество к воссоединению составов, объемлет всего человека во всеединое существо в целокупности души, тела и духа, - весь человек объединён умом, - такова задача в приготовлении себя ко Христу - помышляем так осторожно. Но, отнюдь, - не означает это

некоей необходимости, не устанавливает некоей цели нашему уму – распознавать символы, заложенные, представленные, предъявленные нам в образе. Как не умалить нам значимости символического познания и значимости символа в образе. Не выхолостить, не оскотить образ от символа, не вынуть из него живой нити связи с Господом...

Не изобразим Бог иначе, чем символическим содержимым, не видимым с нашей, огреховленной стороны «моста» - символа... но Господь силен и возможет проявить Себя перед нами в чудесах Своих. Явление Бога всегда чудесно... и в Его распознавании – вспыхивает, возникая – возгорается чудо, воспаляющее нас. И помимо всяческих символов, - из самой обычной, невзрачной, не затейливой иконы, из литографии, «из какого сора...», из фотографии затёртой - могут хлынуть на нас и кровь, и слёзы, и елей... - чудеса, возводящие., пробуждающие. В невинном, в самом обыденном – невзрачном событии, обстоящем нас – волен явить Себя Бог. Не от одного только неуклонного следования традиции, не от мастерского живописания, не от изошрённого разумения... Проявляет Себя Бог, так, как Сам того желает – и непосредственно к нам, не опосредованно символом – может проявить. Не смеем этого ждать, желая, стуча и стелая у затворённой двери образа... И не умаляет это ожидание наше произволения Божьего и возможности Духа – дышать произвольно, дышать там, где захочет Он. Лишь Он один, во глубинах Троического естества, вольного раскрывать себя. Никак не ограничит и не принудит Бога наша жажда и наше стелание... не унизит и высоты возможного проникновения нашего через символ. Вот и не оставляет наша надежда символа, не отменяет символа, не умаляет его почитания, как непреложной формы нашего Богопознания и проникновения к Богу, - занимает символ своё почётное, достойное, почтенное место в образе, но не заслоняет его, не замещает, не поработает его себе, не является некоей символической подменой образу...

В благодатном образе символ находится в некоем подчинённом состоянии, содержится общей образной формой, соответствует образному явлению, образному выражению, образному вовлечению нас. Но образ может и не содержать символа, не лишаясь образности, не вырождается без символа в некое безобразие, не становится от того не интересным, как-либо умалённым. Образ может являть собою вне-символическую, притягательную, влекущую красоту Первообраза... Как некая противоположность, образ может быть, буквально, пренасыщен, испещрён утяжеляющим, затмевающим символизмом, обращающим нас всё более к разуму, словно бы вычленив рацию из целостности человеческого «я», предстоящего образу. Но не обрести образу в неуёмном символе чаемой полноты, - он скорее увядает, иссыкает, затуманивается в мареве значений... словно бы в стаффаже излишеств предметного хлама, мертвенно наполняющего живописное пространство. Избытствующий, довлеющий символизм станет свидетельствовать нам об обезсилении, об умирании образа...

Столь тонки и остры слегка намеченные нами ранящие грани познания образно – символического пути ко Господу... На этих гранях – в меру сил и дарований - распознаём символ и принимаем к образу на неведомых нам, неисповедимых пред нами – путях откровения Первообраза, влекущих нас.